

МАРК АВРЕЛИЙ
АНТОНИН

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Размышления

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)3

М 26

*Перевод с латыни С. М. Роговин
Вступительная статья Ю. Кулишенко
Послесловие С. А. Котляревский*

Марк Аврелий Антонин

М 26

Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий Антонин. — М. : Издательство АСТ, 2025. — 384 с. : ил. — (Мудрость великих).

ISBN 978-5-17-109918-3

Марк Аврелий Антонин (121—180), римский император, чьи личные записи стали философским откровением для потомков, прозававших его «философом на троне», был вынужден проводить жизнь в военных походах. Его «Размышления» («Наедине с собой») родились в 70-е гг. II в. н. э. в походной палатке. «Жизнь борьба и странствия на чужбине. Но что может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Смерть не имеет к нам никакого отношения когда существуем мы, не существует она, когда же есть она мы уже не существуем» (Марк Аврелий).

Проницательный наблюдатель, наделенный редкой интуицией, Марк Аврелий Антонин проповедовал смирение и аскетизм. В этом его этические взгляды, представления о разуме и душе, оказались близки учителям Церкви и оказали влияние на христианских мыслителей от блаженного Иеронима до Л. Н. Толстого.

УДК 1(091)

ББК 87.3(0)3

ISBN 978-5-17-109918-3

© Издательство «АСТ», 2025

© Издательство «ДИЛ», 2011

Ф И Л О С О Ф Н А Т Р О Н Е

«Жизнь — борьба и странствия на чужбине. Но что может вывести на путь? Ничто, кроме философии».

Римский император Марк Аврелий Антонин (121—180) всю жизнь был верен этому убеждению. Самодисциплина, хладнокровие и мужество не только помогли «философу на троне», как прозвали его потомки, справиться с разочарованностью и мучительным одиночеством, но позволили придать законченную форму учению стоиков и стать влиятельнейшим философом Древнего Рима. «Смерть не имеет к нам никакого отношения — когда существуем мы, не существует она, когда же есть она — мы уже не существуем», — одно из его известнейших парадоксальных высказываний.

Не обладавший воинственным характером, Марк Аврелий всю жизнь был вынужден проводить в военных походах. «Размышления», личные записи римского императора, которые стали

его главным философским шедевром, были созданы им в 70-е гг. II в. н. э. в походной палатке. Эту книгу знают также под названием «Наедине с собой» (по свидетельству врача, знаменитого Галена, последними словами этого благородного человека были: «Кажется, я уже сегодня останусь наедине с собой»).

В своем сочинении автор предстает перед нами как человек, в высшей степени интеллектуально одаренный, необычайно проницательный наблюдатель, наделенный редкой интуицией. Этике Марка Аврелия Антонина был присущ фатализм, проповедь смирения и аскетизма.

И несмотря на то, что император, подобно многим своим современникам, негативно относился к христианам и поощрял гонения на них, его этические взгляды, представления о разуме и душе, оказались близки учителям Церкви и оказали влияние на христианских мыслителей от бл. Иеронима до Л. Н. Толстого.

Настоящее издание включает в себя все 12 написанных Марком Аврелием Антонином книг под общим названием «Размышления», в переводе отечественного историка, философа и знатока многих индоевропейских языков *С. М. Роговина* (1885—1940). Стихотворные фрагменты цитируемых автором поэтов античности даны

в переводах поэта-символиста серебряного века Вяч. Иванова. Завершает издание статья известного русского историка, правоведа и общественного деятеля начала XX в., С. А. Котляревского.

К
Н
И
Г
А П
Е
Р
В
А
Я

I

От Вера¹, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

II

От славы моего родителя² и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность.

III

От матери³ — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов.

А также — простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

От прадеда⁴ — то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться;

V

От воспитателя⁵ — равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением⁶. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

VI

От Диогнета⁷ — нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет я писал диалоги и любил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

VII

От Рустика⁸ — мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной

софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в столе⁹. Благодаря ему, я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синузессы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете»¹⁰, ссудив их из своей библиотеки.

VIII

От Аполлония¹¹ — свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость

может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

IX

От Секста¹² — благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни согласно природе и подлинном величии, заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, верхоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй

славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

X

От Александра-грамматика¹³ я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи, либо посредством другого уместного приема напоминания.

XI

От Фронтон¹⁴ — понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что вообще люди, слывущие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

XII

От платоника Александра¹⁵ я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами, ссылок в письмах и разговорах на

свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

XIII

От Катула¹⁶ — внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремлением к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также — истинная любовь к детям.

XIV

От брата моего Севера¹⁷ — любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте¹⁸ и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на

лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях — они были всем ясны.

XV

От Максима¹⁹ — самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своевременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал — в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

Larus in syriam nauisset; occiso iam Cassio, nationes omnes, quae in oriente rebellionem fecerant, humaniter tractauit. Dion. e. Xp. lvi. in Ca

Встреча триумфатора ван Кейзера Марка Аврелия в Риме. Франсуа Перье. Гравюра. 1645

XVI

От отца²⁰ — кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманных решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу — прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями.

Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив — трезвость и основательность; и никогда — безвкусной погони за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой — а это судьба давала ему в изобилии, — он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив, — что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководитель и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.